

УДК 81'373.23

**МОТИВЫ ВЫБОРА ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСКИХ ЛИЧНЫХ НАЗВАНИЙ
НА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ***канд. филол. наук, доц. С.В. ШИЙКА**(Национальный университет водного хозяйства и природопользования, Ровно, Украина)
svitlanashyuka@ukr.net*

Рассматриваются мотивы выбора древнерусских княжеских личных названий на исторической территории белорусско-украинского пограничья, упомянутых в летописных и научных источниках. Процесс именованья проанализирован с позиций когнитивного ментального анализа и общественно-исторической востребованности личных имен. Отмечается, что выбор имени удельных князей мотивирован его семантикой, общественной модой, династическими традициями, родственными и властными причинно-следственными факторами. В начале исследуемого периода преимущество отдавалось славянским двухосновным композитам, впоследствии христианским названиям; характерным было наличие двух имён. Отмечается, что выбор личного имени это первичное антропонимное действие, которое носит свободный и независимый характер, отчество же выступает определенной посессивной функциональной зависимостью от него, а различные дополнительные к имени компоненты, в частности прозвища, оттопонимные определения, отображают характерные личностные качества человека, пространственно-региональную дислокацию их носителя. Методика и результаты исследования будут способствовать развитию антропонимической науки и могут быть использованы при изучении антропонимов других территорий и исторических эпох.

Ключевые слова: антропоним, личное название, имя, мотив, семантика.

Введение. В лингвистике актуализируется проблематика изучения личных имен, становление, институционализация и развитие антропонимики как целостной научной системы. Расширяется ресурсная база антропонимических исследований, доминирует комплексный подход к изучению личных названий некоторого региона определенного синхронического или небольшого диахронического периода. Все это создает условия для полномасштабных теоретических исследований, связанных с происхождением и историей имен, зарождением и динамикой формульного подхода к именованию людей, объяснением процессов формирования современной триименной формы названия и т.п. Результаты некоторых из них отражены в трудах С. Пахомовой, М. Худаша, Н. Бирило, В. Шура, С. Смольникова, Е. Соколовой, С. Ропсонда, Т. Скулины и др.

Перспективным направлением антропонимических исследований является анализ собственных личных имен не только как засвидетельствованных статических ресурсных категорий, но и с позиций их действительности и функциональности. Функциональная антропонимика рассматривает антропонимы не как «изолированные типичные формулы, изъятые из контекста», а как лексические единицы, связанные с «конкретным носителем имени» [1, с. 80–81]. Учитывая это, важно объяснить мотивацию выбора имени личности и его семантическую нагрузку.

Целью этой статьи является исследование мотивов выбора древнерусских княжеских личных имен на исторической территории белорусско-украинского пограничья. Работа предусматривает выборку из летописных и научных источников древнерусских княжеских имен белорусско-украинского пограничья, выяснение мотивов их выбора и сематического содержания. Научная новизна заключается в системности исследования региональных личных имен этого синхронического периода. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: описательный, критического анализа летописных и научных источников, компонентного анализа, обобщения и систематизации. Методика и результаты исследования будут способствовать развитию антропонимической науки и могут быть использованы при изучении антропонимов других территорий и исторических эпох.

Основная часть. Фактическим материалом исследования послужили имена древнерусской знати в княжествах исторического белорусско-украинского этнического пограничья, в частности, на Волынской и Туровской земле. Прежде всего, это Туровское княжество – средневековое феодальное образование в составе Киевской Руси [2, с. 541–542], впервые упомянутое в летописи под 980 годом, из которого впоследствии выделились Пинское, Дубровицкое и Степанское отдельные княжества, а также Дорогобужское, Пересопницкое и Шумское удельные княжества, вошедшие в начале XIII в. в Луцкое, а позже Галицко-Волынское княжества. Особенности географического ареала являются территориальная, социальная и культурная периферийность в древнерусские времена, незначительные миграционные процессы в течение общественно-исторического развития, существенно сохраненная региональная ментальная подлинность. Современная территория Полесья, в частности Ровенской и Брестской областей, представляется

как древний край с глубокой архаикой и языковой дифференцированностью, «где присутствие славянского этноса никогда не прерывалась» [3, с. 274], а изучение его создает возможности для реконструкции ряда лингвистических процессов.

Выбор мотивации собственных личных наименований региональной княжеской верхушки как предмета изучения, обусловлен преобладанием их в летописных упоминаниях и последующих научных антропонимических исследованиях, определяющим влиянием этой социальной группы на культурно-историческое развитие человечества, в т.ч. на выбор, частоту употребления и эволюцию личного имени.

Характерной особенностью именослова знатной верхушки исследуемой территории древнерусского периода является доминирование двухосновных личных имен славянского происхождения со вторыми компонентами *-волод*: *Всеволодъ*, *-мир*: *Володимиръ*, *-полк*: *Святополкъ*, *Ярополкъ*, *-слав*: *Брячьславъ*, *Вячеславъ*, *Изяславъ*, *Мьстиславъ*, *Ростиславъ*, *Святославъ*, *Ярославъ*.

Сложное двухосновное имя *Всеволодъ* с уверенностью можно отнести к генетическим восточнославянским лингвистическим образованиям ввиду того, что его составляющими выступают местоимение *все* (< др.-рус. *вьсь* ‘весь’) и основа украинского глагола *волод-ити* (< др.-рус. *володѣти* ‘владеть’) [4, Т. 1, с. 109, 123]. Учитывая семантику компонентов, П. Чучка трактует первоначальное значение антропонима как ‘обладатель всего’, ‘тот, кому все подвластно’. Исследователь относит его к династическим личным именам древнерусской верхушки, отмечая, что в целом русских князей с таким именем было более 20 [5, с. 119]. Заметим, что на древнерусской территории украинского-белорусского пограничья имя *Всеволодъ* носил князь дорогобужский и луцкий *Всеволодъ Ерславичъ* [6, с. 631]. Выбор конкретного личного названия мог быть вызван пожелательными мотивами ‘владеть всем’, ‘владеть властью’, подражанием династическим традициям именования княжеской элиты (заметим, что идентичным двухосновным именем назывался его предок – сын Ярослава Мудрого).

Подобная пожелательная семантика характерна и для древнерусского княжеского имени *Володимиръ*. Определяется она содержанием препозиционной основы глагола *волод-ѣти* и постпозиционного существительного *миръ* < **mĭrъ* ‘мир, вселенная’, ‘человечество, люди’, ‘община’, ‘покой’, ‘согласие’. Происхождение личного названия можно объяснить онимизацией общей композитной формы со значением ‘кто владеет миром (вселенной)’ [7, с. 111], ‘быть охранником, стражем мира, то есть порядка, строя, защиты от преступников в пределах определенной территории, владения, волости’ [8, с. 295]. В начале второго тысячелетия двучленное имя *Володимиръ* на территории исследования выступает в полногласной форме (*Володими(и)р* [9, с. 44]) с собственно славянской семантикой второго компонента: ‘мир, покой, порядок, лад, согласие’. В летописных памятках фиксируются личные имена: *Володимиръ Андрѣвичъ* [6, с. 543] – князь пересопницкий и дорогобужский; *Володимиръ* [6, с. 938] – князь степанский; *Володимиръ же Мьстиславичъ* [6, с. 546] – князь дорогобужский. Фонетическое варьирование гласных *и*→*е* во второй основе, напр.: *Володимеръ Андрѣвичъ* [6, с. 411], *блѣброднѣи князь Володимеръ Андрѣвичъ* [10, с. 362], объясняется иноязычным вторжением, в частности, сведением к старонемецкому *-mer* ‘слава’ [11, с. 60]. Учитывая это, «властная» семантика древнерусского имени *Володимиръ* ‘обладатель большой власти’: *Володимир* < **Voldimĕrъ* < **voldĕrъ* ‘власть’ + **mĕrъ* ‘великий’ [12, Т. 1, с. 419] при именовании княжеской верхушки представляется нам неубедительной.

В начале существования еще неразделенного Турово-Пинского объединения в качестве родовых княжеских имен засвидетельствованы двухосновные антропонимные образования *Святополкъ* (*Стѣполкъ*) и *Ярополкъ* (*Ерополкъ*, *Еропѣлкъ*). Препозиционные их основы отражают прозрачную семантическую сущность образующих прилагательных *святой*, д.-рус. *святѣи* < псл. **svĕtĕ* ‘святой, сильный’ [12, Т. 5, с. 199–200] и *ярый*, д.-рус. *ярѣи* < **jarĕ(jĕ)* ‘гневный; строгий; сильный, смелый, отважный’ [12, Т. 6, с. 553; 13, вып. 8, с. 178]. Второй основой выступает существительное *полк*, др.-рус. *пѣлкъ* < псл. **rylkъ* ‘войско, отряд, воинство’ [12, Т. 4, с. 495]. Предполагается, что носители этих пожелательных названий должны быть смелыми, мужественными и отважными воинами, умелыми руководителями военных действий. Вместе с тем, на выбор наименований существенно влияли родственные и властные причинно-следственные факторы. Так, препозиционную часть имени первого туровского князя Святополка (*Стѣполка* [6, с. 105]) А. Литвина и Ф. Успенский воспроизводят от первой основы имени деда Святослава, а вторую – от второй основы имени старшего брата отца Ярополка; матерью его была жена Ярополка Святославича [11, с. 49]: *Володимиръ же залѣже жену братнѣю Грѣкинѣю и бѣ neprazdna ѿ неа же роди Стѣполка* [6, с. 66]. Подражание его имени по принципам учета личностных черт храбрости, решительности и смелости, функциональных свойств руководства войсками и наследственного характера права собственности можно видеть в именовании туровского князя Святополка Изяславича: *изыде Святополкъ изъ Новагорода въ Туровъ княжити* [14, с. 115], *иде Стѣполкъ изъ Новагорода Турову на княженѣ* [6, с. 199], Имя Святополк вновь воспроизводится через два поколения в личном имени князя Святополка Юрьевича: *Престависа князь Стѣполкъ снѣ Гюргевь шюринѣ Рюриковѣ мѣца апрѣла въ вѣ днѣ и положенъ быѣ во цркѣи стѣго Михаила Златовѣрхаго юже бѣ создалъ прадѣдъ его великѣи князь Стѣполкъ* [6, с. 665–666]. Властные, руководящие и военные мотивы лексемы *-полк*, усиленные значением препозиционного прилагательного, а также влияние имени дяди, наблюдаются и в личном имени брата Святополка Изяславича – *Ерополка* [6, с. 195].

Тандем Святополк – Ярополк был характерен для правящей верхушки к началу XII века [11, с. 50]. Впоследствии эти названия постепенно исчезают из именователя княжеских династий. Объяснить это можно с помощью методики когнитивного анализа, предложенной в монографическом исследовании О. Карпенко [15, с. 32–34]. В процессе лексикализации и дальнейшей онимизации адъективно-именных словосочетаний образовались универбы-антропонимы. Отдельные концепты **svęť* и **rьlkъ*, а также **jarь(jь)* и **rьlkъ* слились соответственно в композитах **svętorьlkъ* и **jarorьlkъ*, которые транспортировались в «смешанные» сложные древнерусские концепты *Святопѣлкъ* и *Ярополкъ*. В начале второго тысячелетия активно функционировали все эти три концепта. Однако с потерей актуальности рассматриваемых имен исчезает из ментального лексикона «смешанное пространство» их концептов и продолжают функционировать только простые исходные основы.

Определенным образом такой же анализ может быть применен к древнерусским глагольно-именным антропонимным композитам *Брячиславъ* [6, с. 256] (князь туровский: *родиса оу Стѣполка снѣ и нарекоша има ему Брячиславъ* [6, с. 256]) / *Брячиславъ* (князь *Брячиславъ сынъ Святополчъ*) [14, с. 154], производного от псл. **brętjislavъ* < вероятно от псл. **obręsti* ‘найти, приобрести’ и **slava* ‘слава’ [13, вып. 3, с. 24] с буквальным смыслом ‘приобрести славу’, *Изаславъ*, образованного из основ глагола *изати* < псл. **йзѣти* ‘взять, изъять’ [4, Т. 1, с. 348] и существительного **slava* ‘слава’ с содержанием ‘взять славу’, и *Мстиславъ*, производного от псл. **mъstislavъ* < псл. **mъstiti* ‘мстить’ и основы *-slav-* < **slava* ‘слава’ с буквальным значением ‘мсти за славу’ [13, вып. 21, с. 169]. Функциональное содержание понятия ‘взять славу’ и родовая память о другом сыне Ярослава Мудрого актуализировали к употреблению имя *Изаславъ*: *Изаславъ Ярославичъ* [6, с. 136] – князь туровский, *Изаславъ Стѣполчичъ* [10, с. 299] – князь туровский, *Изаславъ Мстиславичъ* [6, с. 256] – князь волыньский и дорогобужский, *Изяславъ Ингворовичъ* [16, с. 41] – князь дорогобужский. Лексико-семантическая группа «Мстислав» объединяет именные названия: *Мстиславъ Дюргевичъ* [6, с. 256] – князь дорогобужский и пересопницкий, мотиватором имени которого могло быть имя дяди Мстислава Великого; *Мстиславъ Изаславичъ* [6, с. 403] – князь дорогобужский и пересопницкий, названный в честь деда Мстислава-Федора Великого [11, с. 584], *Мстиславъ Нѣмъи* [6, с. 403] / *Мстиславъ Ярославичъ Нѣмъи* [19, с. 235] – князь пересопницкий и луцкий, названный именем своего дяди Мстислава Изяславича [11, с. 83], *Мстиславъ* [6, с. 546] – князь дорогобужский, внук Мстислава Храброго. В ходе исторического развития общества именователя Брячислав, Изяслав и Мстислав выходят из активного обращения.

Относительно других древнерусских княжеских имен со второй именной основой *-slav-* < **slava* ‘слава’, в частности: *Вачеславъ* < псл. **vętislavъ* с первым корнем от слова **vętje* ‘больше’ [12, Т. 5, с. 443], которое отражает содержание ‘большая слава’ (*Вачеславъ Володимеричъ* [6, с. 315] – князь пересопницкий), *Ростиславъ* < псл. **Orstislavъ*, первая основа которого происходит от **orsti* ‘расти’ [12, Т. 5, с. 126] с семантикой ‘расти слава’ (*Глѣбовичъ Ростиславъ* [6, с. 315] – князь степанский), *Святославъ* / *Стѣславъ* < псл. *Svętoslavъ*, первая основа которого образована от прилагательного *svęť* ‘святой’ [12, Т. 5, с. 200] с прозрачным значением ‘святая слава’ (*Стѣславъ Всеволодичъ* [6, с. 315] – князь туровский), можно утверждать, что ментальный лексикон жителей территории исследования сохранил не только два исходных выходных концепта, но и образованный сложный.

Определенную активность проявляет в синхроническом и диахроническом разрезе личное название *Ярослав* < *Ярославъ* / *Ярославъ* < псл. **jaroslavъ* [13, вып. 8, с. 176–177]. В народном сознании оно существует как «смешанный» концепт, сочетающий простые концепты ‘яровой’ и ‘слава’; ср. белорусское буквальное значение ‘кто славит свет (солнца)’ [7, с. 11]. В течение эволюционного процесса простые концепты из антропонима Ярослав исчезли, а сам он стал представителем простого концепта, который относится к антропонимическому фрейму. [15, с. 34]. На территории исследования в древнерусский период его заполняют княжеские имена: *Ярославъ Изаславичъ* [6, с. 546] – князь туровский, *Ярославъ Стѣполчичъ* [6, с. 287] – князь дорогобужский, *Ярославъ* [6, с. 750] – князь дорогобужский и луцкий.

Древнее славянское личное название *Борисъ* можно рассматривать как усеченную форму незасвидетельствованного в ареале исследования двухосновного имени *Бориславъ* < псл. **borislavъ* (по другим версиям оно имеет юго-славянские или греческие корни [17, с. 12; 5, с. 74; 18, с. 43, 13, вып. 2, с. 203]). В ментальном лексиконе имя уже не ассоциируется с исходными и «смешанным» концептами сложной лексемы, а выступает независимой корневой морфемой, которая реализует значение ‘бороться за славу’. Именно этот пожелательно-приказной мотив распространения культа святых братьев Бориса и Глеба как будущих защитников личности (ср. традиции парного именователя Борис – Глеб, например, сыновья Владимира Великого) стал основной причиной именователя князей турово-пинских *Борисом Дюргевичем* [6, с. 478] и *Глѣбом Дюргевичем* [6, с. 474].

Вызывает удивление, с какой легкостью проникает раннее скандинавское заимствование *Глѣбъ* с буквальным значением ‘потомок Бога’ [18, с. 52] речь жителей исторического белорусско-украинского пограничья в период развития удельных княжеств, а затем таким же образом и канонизируется. В летописи упоминается князь турово-пинский, дубровицкий, степанский и пересопницкий *Глѣбъ Гюргевичъ* [6, с. 528] / *князь Глѣбъ Тоуровъски шюринъ Рюриковъ снѣ Гюргевъ* [6, с. 694] и его потомки, в частности, степанские князья *Глѣбовичъ Ростиславъ* [6, с. 315] и *Иванъ снѣ Глѣбовъ* [6, с. 694]. Что касается других, популярных на Руси скандинавских личных имен, то очерченная территория остается для них закрытой.

Исключение составляет разве что наименование князя дорогобужского и шумского *Инъгварь* [6, с. 725], которое отражает буквальное значение ‘охранник, защитник’ [18, с. 63].

С распространением христианства на Руси приобретают популярность среди княжеского двора греческие имена с аутентичной функциональной семантикой: Андрей ‘мужественный, храбрый’ (*Андрѣи Дюргевичь* [6, с. 411] – князь пересопницкий и туровский, возможно, назван в честь своего дяди Андрея Доброго; в подтверждение исходного содержания летописная запись: *кнѣже Андрѣю мужьству тѣзоимените* [6, с. 584]), Василько – от Василий ‘царь’ (*Василко* [6, с. 751] / *Василько Романовичь* [19, с. 236] – князь пересопницкий, имя которого могло символизировать связь с христианским именем Владимира-Василия Святого; *Василко Ярополчичь* [6, с. 525] – князь Шумский), Александр ‘мужественный защитник’, ‘защитник’ (одним из первых этим именем в династии Рюриковичей назвали *Александра Дубравьскаго* [10, с. 508] / *Олександра Дубровцьскаго* [16, с. 40] – князя дубровицкого), Юрий ‘земледелец’ (*Дюрги Ерославиць* [6, с. 478] – князь турово-пинский, носивший в крещении имя своего предка Ярослава-Георгия Мудрого). Концептуальность древне-еврейских заимствований связана с идеями красоты, особенности, справедливости: Давид ‘любимец’ (*Дѣдъ Игоревичь* [6, с. 249] – князь дорогобужский, двоюродный дед которого назывался Глеб-Давид), Даниил ‘Божий суд’ (*Даніиль Романовичь* – обладатель Пересопницы [19, с. 236]), Иван ‘Божья благодать’ (*Гюргевичь Ивань* [6, с. 541] – князь туровский; имя Иоанн мог носить в крещении его дед Ярослав Святополчич [11, с. 561]).

Мотивацию, сосуществование и функционирование славянских и христианских имен целесообразно рассматривать с позиций когнитивности и общественно-исторической востребованности. В названиях первых лиц средневековых государственных образований белорусско-украинского пограничья мы не находим «защитных» имен от злых сил, природных неурядиц языческих отапельлятивных антропонимобразований, возможно они к этому времени утратили актуальность. Однако, «ритуально-харизматическая функция, ее профилактико-пожелательный смысл» [20, с. 57] при выборе имени новорожденного сохранилась. Характерные психологические черты доброты, искренности, пожелательности населения исторической территории нашли свое отражение, как отмечает Е. Соколова, в специально сформировавшихся именах-композициях *Всеволодь, Володимирь, Мьстиславь, Святославь, Ярославь* и др. для «прославления представителей княжеского рода благодаря основе с отчетливо положительным значением» [20, с. 57]. Выполняя свои номинативные, идентификационные и дифференциальные функции, они несли также релевантные ментальные нагрузки. Такие личные названия можно определять как «добровольные», «подлинно народные». Взглядом на историческую перспективу отслеживается общественная востребованность этих именовании, сохранение аутентичной сущности как составляющих словообразующих компонентов, так и большинства самих композитов.

Распространение христианства на Руси мотивировало к использованию значительного количества церковных имен. Интенсивность этого процесса, как аргументированно отмечает С. Пахомова, «вряд ли имела добровольный характер» [21, с. 126]. В начале своей региональной истории христианские личные имена были данью тогдашней антропонимной моде и прерогативой княжеской правящей верхушки. Причины их выбора могли находиться в первичной семантике. Со временем к ним стали присоединяться наследственные родовые факторы.

Древнерусский период характеризуется двумя основными формами соотношений, взаимосвязей и взаимозависимостей традиционного и христианского именовании. Прежде всего, это двуименность, которая заключалась в добавлении к основному композитному имени дополнительного христианского. Так, туровский князь Святополк имел дополнительное христианское имя Михаил: *престависа благовѣрный князь Михайль зовемый Стѣполкъ* [11, с. 275] / *престависа благовѣрный великій князь Михайло Изяславичь, зовомый Святополкъ* [14, с. 143]. Однако стоит отметить, что региональный летописный свод небогат дополнительными христианскими названиями к традиционным славянским композитам. Поэтому во многих случаях исследователям приходится выводить возможные варианты таких наименований. В частности, в материалах научных работ Л. Войтовича [22], А. Литвиной и Ф. Успенского [11] и др. отмечается, что региональные князья Святополк Окаянный и Ярополк имели христианское имя Петр, Владимир Мстиславич, Изяслав Ярославич – Дмитрий, Ярослав Изяславич – Иван, Мстислав Изяславич – Федор. Востребованность и в то же время архаичность двухосновных славянских личных имен, обусловленные состоянием периферийности и удельности княжеских владений, отражением их глубинной сущности в философии, традициях и языке народа, стали предпосылкой дальнейшей их канонизации. В первую очередь, как отмечает белорусский исследователь В. Шур, были внесены в церковные православные календари имена Владимир и Ярослав, позже – Вячеслав, Мстислав, Святослав и др. [7, с. 14].

Другая форма предусматривала полный отказ от использования славянского имени. Для нее характерно сочетание родового и крестильного имен. Только под христианскими названиями в летописных упоминаниях фигурируют региональные князья Борис Юрьевич, Глеб Юрьевич [11, с. 482] (по версии Л. Войтовича – Глеб Юрьевич имел христианское имя Михаил [22, с. 360]), Андрей Юрьевич Боголюбский [11, с. 473], Давид Игоревич, Иван Юрьевич [11, с. 518], Юрий Ярославович – Георгий (полная форма Георгий, как отмечает Н. Бирилло, в Беларуси не прижилась [9, с. 51]), точнее, Гюрги,

Дюрги [11, с. 519], Василько Романович [11, с. 492]: *блговѣрныи князь и хрсто любивѣи великыи Володимерьскыи именемъ Василко снѣ великого княза Рома* [6, с. 869].

Имя человека в различные исторические эпохи выступало определяющим компонентом формы его именованя. Право на имя – это неотъемлемая общепринятая юридическая категория, которой наделен каждый общественный субъект. Реализуется оно на территории исследования в княжескую эпоху средствами славянских двухосновных личных имен, христианских имен и антропонимных дериватов. Выбор имени носит добровольный характер и мотивирован прежде всего семантикой антропонимолексем, общественной модой, династическими традициями именованя княжеской элиты, родственными и властными причинно-следственными факторами.

Важным компонентом доминирующей древнерусской формы именованя являются патронимы. На страницах летописей двуименные названия фиксируются как в синтетическом (*Андрѣи Гюргевиць* [6, с. 409] / *Гюргевиць Аньдрѣи* [10, с. 332], *Володимеръ Андрѣевичъ* [6, с. 411], *Гльбъ Гюргевиць* [10, с. 633], *Давыдъ Игоревичъ* [14, с. 114] и др.), так и в описательном (*с Володимеромъ с Андрѣевичемъ* [10, с. 332], *Володимеръ же Мьстиславичъ* [6, с. 546] *Мьстиславъ же Изаславичъ* [6, с. 451409], *снѣ Гюргевь Гльбъ* [6, с. 394], *Ивань снѣ Гльбовъ* [6, с. 938]) виде. Если имя человека рассматривать аналитически де-юре как некий аргумент, независимую величину, то отчество де-факто является определенной посессивной функциональной зависимостью, то есть о его независимой мотивации говорить не приходится.

Составляющими антропонимных формул региональных княжеских именованя выступают также прозвища, мотивированные личностными характеристиками: *Стѣполкъ же иканьныи* [6, с. 122], *Мьстиславъ Нгьмыи* [6, с. 725] / *Мстиславъ Ярославичъ Нгьмый* [19, с. 235], и адъективные топонимы: *Мьстиславъ Пересопницкыи* [6, с. 729], *на Ольксандра Дубровьцьскаго / Олександра Дубровичскаго* [16, с. 40], *степаньскыи князь Иванъ снѣ Гльбовъ* [6, с. 938], *Святослава Шюмьскаго* [16, с. 41].

Заклучение. Анализируя особенности процесса именованя древнерусской княжеской элиты исторической территории белорусско-украинского пограничья с позиций когнитивного ментального начала и общественно-исторической востребованности тогдашних личных названий, можно констатировать, что выбор имени мотивирован прежде всего семантикой антропонимолексемы, общественной модой, династическими традициями именованя княжеской элиты, родственными и властными причинно-следственными факторами. В начале исследуемого периода доминировали славянские двухосновные композиты, впоследствии – христианские названия; нередко было наличие двух имен.

Выбор личного имени является первичным антропонимным действием и носит свободный и независимый характер, патроним выступает определенной посессивной функциональной зависимостью от него, а различные дополнительные к имени компоненты, в частности прозвища, оттопонимные определения, отображают характерные личностные качества человека, пространственно-региональную дислокацию их носителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городилова, Л.М. Историческая антропонимика XX–XXI вв.: направления и проблемы исследования / Л.М. Городилова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Спец. вып. [1] А. – С. 79–83.
2. Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 6 : в 2 кн. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцикл., 2001. – Кн. 1 : Пузыны – Усяя. – 591 с.
3. Шульгач, В.П. Праслов'янська лексика в топоніміконі Волинсько-Ровенського Полісся / В.П. Шульгач // Науковий вісник Чернівецького університету. – 2007. – Вип. 354–355. – С. 274–277.
4. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников : в 2 т. – М. : Флинта : Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.
5. Чучка, П.П. Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник / П.П. Чучка. – Ужгород : Ліра, 2011. – 432 с.
6. Полное собрание русских летописей. – М. : Изд-во вост. лит., 1962. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 938 с.
7. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны. Беларуская антрапаніміка і тапаніміка / В. Шур. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1998. – 194 с.
8. Поппэ, А.В. К истории имени Владимир. Опыт необычного исследования / А.В. Поппэ // Труды Отдела древнерусской литературы. – 2010. – Т. 61. – С. 278–295.
9. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
10. Полное собрание русских летописей. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926–1928. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – 540 с.
11. Литвина, А.Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 904 с.
12. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / за ред. О.С. Мельничука. – Київ : Наук. думка, 1982–2012. – Т. 1–6.
13. Этимологический словарь славянских языков: праслав. лекс. фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974–2011. – Вып. 1–37.
14. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. – Т. 9 : VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – 256 с.

15. Карпенко, О.Ю. Проблематика когнітивної ономастики / О.Ю. Карпенко. – Одеса : Астропринт, 2006. – 377 с.
16. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1841. – Т. 3 : IV. Новгородские летописи. – 308 с.
17. Роспонд, С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) / С. Роспонд // Вопросы языкознания. – 1965. – № 3. – С. 3–21.
18. Скрипник, Л.Г. Власні імена людей : словник-довідник / Л.Г. Скрипник, Н.П. Дзятківська. – Київ : Наук. думка, 1996. – 336 с.
19. Киевлянин / сост. М. Максимович ; Императорский университет Св. Владимира. – Киев : тип. Императорского университета Св. Владимира, 1840. – 254 с.
20. Соколова, Е.Н. Аспекты историко-культурной дифференциации языческого и христианского именников / Е.Н. Соколова // National cultures in social space and time: materials II international scientific conference on March 10–11, 2014. Prague. – P. 56–62.
21. Пахомова, С.М. Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах / С.М. Пахомова. – Ужгород : Вид-во О. Гаркуші, 2012. – 344 с.
22. Войтович, Л. Княжа доба: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква : видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.

Поступила 17.01.2020

THE MOTIVES FOR CHOOSING THE ANCIENT PRINCELY PERSONAL NAMES ON THE HISTORICAL TERRITORY OF THE BELARUSIAN-UKRAINIAN BORDER

S. SHYJKA

The motives of the selection of ancient Russian princely personal names on the historical territory of the Belarusian-Ukrainian borderland, taken from annalistic and scientific sources, are examined. The naming process has been analyzed from the standpoint of cognitive mental analysis and the socio-historical demand for personal names. It is noted that the choice of the name of specific princes is motivated by its semantics, social fashion, dynasty traditions, family and power causative factors. At the beginning of the study period, preference was given to Slavic dibasic composites, later Christian names; characterized by the presence of two names. It is emphasized that the choice of a personal name is a primary anthroponymic action, which is free and independent, the patronymic acts a certain possessive functional dependence on it, and various additional components to the name, including surnames, antonyms, characteristic qualities of a person, spatial and regional dislocation of their carrier. The methodology and results of the study will promote the development of anthroponymic science and can be used in the study of anthroponyms of other territories and historical eras.

Keywords: anthroponym, personal name, name, motive, semantics.